

✦ Классическое наследие

МАКС ГЛАКМЕН

МИР В МЕЖДОУСОБНОМ ПРОТИВОСТОЯНИИ

Аннотация: Автор отстаивает тезис, что социальный конфликт является одним из механизмов установления и поддержания социального порядка. Пользуясь материалом двух книг Э.Э. Эванс-Притчарда о нуэр, он показывает, как люди ссорятся в рамках некоторых своих обычных приверженностей, но удерживаются от насилия другими, конфликтующими с ними, обычными приверженностями. Тем самым, как он утверждает, конфликты в отдельных комплексах отношений приводят в более широком масштабе общества и на больших промежутках времени к восстановлению социальной сплоченности.

Abstract: The author defends the idea that social conflict is one of the mechanisms of establishing and maintaining the social order. He uses the material of two E. E. Evans-Pritchard's books and demonstrates how people quarrel in terms of some of their customary allegiances, but are restrained from violence through other conflicting allegiances which are also enjoined on them by custom. Thus, he maintains that conflicts in separate sets of relationships, over a wider range of society or through a longer period of time, lead to the re-establishment of social cohesion.

Ключевые слова: междоусобица, мир, социальный порядок, конфликт, социальная структура, обычные приверженности (лояльности).

Keywords: feud, peace, social order, conflict, social structure, customary allegiances (loyalties).

Когда бы ни проводилось антропологическое изучение какого-нибудь целостного общества или меньшей по размеру социальной группы, всегда подчеркивается огромная сложность, развивающаяся в отношениях между людьми. Видимо, обычаи каждого общества так устроены, что чрезмерно усложняют социальные связи. Институциональные формы для развития отношений родства, точного соблюдения ритуала правильных отношений с миром и т.д. сначала разделяют людей, а потом их воссоединяют. Может ожидать, что малое сообщество численностью немногим более тысячи душ сможет вести совместное существование на отрезанном от остального мира тихоокеанском острове с довольно простой социальной организацией.

* Из радиолекции, основанной на двух книгах проф. Э.Э. Эванс-Притчарда: *Evans-Pritchard E.E. The Nuer*. Oxford: Clarendon Press, 1940; *Evans-Pritchard E.E. Kinship and Marriage among the Nuer*. Oxford: Clarendon Press, 1951. Перевод сделан по источнику: *Gluckman M. The Peace in the Feud // Past and Present*. 1955. № 8. P. 1-14.

На самом же деле такое сообщество всегда сложным образом разделяется и подразделяется освященными обычаями приверженностями. Я хочу показать, как люди ссорятся в контексте некоторых своих обычных приверженностей, но удерживаются от насилия благодаря другим, конфликтующим с ними приверженностям, которые им также предписывает обычай. В результате, конфликты в каком-то одном узле отношений приводят в более широком масштабе общества и на больших временных промежутках к восстановлению социальной сплоченности. Конфликты — часть социальной жизни, и обычай, похоже, усугубляет эти конфликты, но, делая это, он в то же время не дает конфликтам разрушить более широкий социальный порядок. Я покажу этот процесс на примере того, как работает междоусобица.

Во всем мире есть общества, где нет правительственных институтов. Иначе говоря, в них нет чиновников, которым их установленные полномочия позволяли бы улаживать в судебном порядке ссоры и добиваться исполнения решений, вводить законы и предпринимать административные действия в непредвиденных обстоятельствах, вести наступательные и оборонительные войны. Вместе с тем в этих обществах есть такие прочно установленные и хорошо известные моральные и правовые кодексы, что даже в отсутствие письменных историй мы можем резонно полагать, что они сохранялись на протяжении многих поколений. Они явно не живут в состоянии постоянного страха перед впадением в беззаконие. Мы знаем, что некоторые из них существовали в течение долгого времени со своего рода внутренним правом и порядком и успешно защищали себя от нападений извне: в них есть буйные воины, совершавшие набеги на соседей и даже терроризировавшие их. И, следовательно, когда антропологи приступили к изучению этих обществ, они сразу же столкнулись с проблемой того, где в них заключены социальный порядок и сплоченность.

Исследования обществ, в которых основными внешними санкциями в ответ на причинение другими вреда являются частная месть и самопомощь и где это осуществление самопомощи скорее всего приводит к развязыванию междоусобиц, стали одним из важнейших вкладов, внесенных социально-антропологическими исследованиями в понимание социальных отношений. Антропологам удалось увидеть ситуации, дающие начало междоусобным распрям, и, что важнее, изучить механизмы, ведущие к их урегулированию. Важнейшим результатом их анализа стало выяснение того, что эти общества организованы в такой ряд групп и связей, при котором люди, являющиеся на одной основе друзьями, на другой оказываются врагами. Здесь обнаруживает себя социальная сплоченность, укорененная в конфликтах между разными приверженностями людей. На мой взгляд, было бы полезно применить такой род анализа к тем периодам европейской истории, когда междоусобица еще явно была основным инструментом возмещения ущерба. Здесь я предлагаю взглянуть на то, как междоусобные распри зарождаются и ограничиваются в африканских обществах, не имеющих правительственных институтов.

Как работает угроза частной мести и междоусобицы, нужно показать в подробном анализе единичного общества. Впервые эту ситуацию в Африке изучил профессор Эванс-Притчард — у нуэр, пастушеского народа верховьев Нила. Сам он не ставил перед собой специальной цели предложить аргумент, который меня здесь интересует; поэтому я намерен описать нуэр с несколько иных позиций, чем он.

Нуэр живут на широкой равнине, простирающейся вокруг главных рек южной части англо-египетского Судана. В период муссонных дождей эту равнину заливают,

и она превращается в огромное озеро, заставляя нуэр уходить со скотом на возвышенные участки, где они строят свои постоянные деревни и выращивают такую надежную культуру, как просо. После дождей наводнение заканчивается, и молодежь разбредается со стадами по обнажившимся ожившим пастбищам, поскольку там легче поить скотину. Но вода быстро уходит; равнина опять становится сухой, выжженной пустыней. В самые засушливые месяцы нуэр и их скот вынуждены вновь собираться в низинных местах, где еще сохранилась вода, — либо у озер, либо у высохших речных русел. Таким образом, нуэрские группы циклически движутся между домами для влажного и сухого сезонов. Группы, разделенные в один месяц милями разлившейся воды, могут спустя какое-то время стоять одним лагерем у какого-нибудь водоема; а чтобы туда попасть, им, возможно, приходится перегонять свой скот еще и через территории других групп. Следовательно, этим группам чрезвычайно важно находиться в более или менее дружеских отношениях друг с другом, чтобы выжить и сохранить свой скот. Эти экологические нужды заставляют людей сотрудничать; и это помогает объяснить, как нуэр могут объединяться в племена численностью 60 тыс. человек и больше без какой-либо установленной власти (authority).

Технология у нуэр очень проста. В их стране нет железа и камня, мало леса, чтобы обеспечить древесиной промышленность. Они не только очень сильно зависят от скота в своем пропитании, но и делают важные для них вещи из коровьих шкур, рогов и костей. Поскольку чума рогатого скота сокращает их стада, они живут в лучшем случае чуть выше уровня выживания. «В одной из их историй, — пишет Эванс-Притчард, — тоскливо повествуется о том, что некогда желудок человека жил самостоятельной жизнью в буше и питался мелкими насекомыми, поджаренными на горящей траве, ибо (по словам нуэр) “Человек не был создан с желудком. Он был создан отдельно от него”. Однажды Человек, гуляя в буше, наткнулся на Желудок и установил его на теперешнее место, чтобы он мог питаться там. И хотя, живя самостоятельно, тот довольствовался малыми крохами пищи, теперь он всегда голоден. Как бы много он ни ел, вскоре он жаждет поесть еще». Этой истории должно быть достаточно, чтобы мы поняли, насколько близко к голоду живут нуэр. Запасов пищи всегда не хватает. Из-за болезней скота или потери зерна отдельные домохозяйства и даже небольшие ареалы могут страдать от жестокой нехватки пищи. Они вынуждены обращаться за помощью к другим. Кроме того, обычай требует, чтобы мужчина, когда он женится, отдавал родственникам невесты сорок голов скота, после чего его собственной семье скота может не хватать. Ему приходится обращаться за помощью к другим. Существование на грани нехватки пищи и природные и социальные превратности, вызывающие колебания в урожаях зерна и поголовье скота, вынуждают нуэр объединяться с другими ради выживания. Но дабы не сложилось картины голодного и забитого народа, надо добавить, что нуэр были свирепыми независимыми воинами, которые сопротивлялись проникновению дервишей и которых британцы в конце концов подчинили, лишь прибегнув к бомбардировке их скота с воздуха; кроме того, сами нуэр постоянно входили на территории других племен и совершали на них набеги с целью захвата скота. Столь же воинственны они и между собой.

Итак, хозяйственная ограниченность заставляет нуэр объединяться для производства и распределения пищи в весьма многолюдные группы. В этих группах они образуют деревушки (hamlets) и деревни и живут в районах, жители которых должны так или иначе пребывать большую часть времени в мире друг с другом. Между

некоторыми районами узы тоже должны быть достаточно дружескими, чтобы их члены могли пересекать территории друг друга в своих передвижениях между домами для влажного и сухого сезонов. С ростом расстояний экологические потребности в дружбе и мире слабеют и между районами на противоположных сторонах племени вряд ли уже существуют. Большие реки и широкие полосы необитаемой местности создают естественные барьеры и политические границы между племенами. Эванс-Притчард особо подчеркивает тесную связь между политической организацией нуэр и рельефом их земли, а также тем, как они используют эту землю.

Вождей в Нуэрленде нет, но в каждом племени есть агнатный клан аристократов, включающий большое число мужчин, связанных друг с другом генеалогическим происхождением от общего предка по линии мужчин. Не все члены клана живут в племени, в котором они аристократы, и каждое племя содержит членов множества кланов. Политическая значимость клана состоит, во-первых, в том, что мужчина не может жениться на женщине из своего клана. Во-вторых, разные районы племени считаются связанными воедино их местами в клановой генеалогии. Работает это так. Два соседних района связываются через двух давно умерших братьев, а другие три соседних района — через других трех братьев, отец которых был братом отца двух первых. Таким образом разные районы того или иного нуэрского племени связываются во все более и более крупные секции, объединяемые более далекими предками аристократического клана этого племени. Когда один район воюет с другим, те, кто связан с ним братством, объединяются с ним против его врага, к которому будут, в свою очередь, присоединяться его братские районы. Но все эти районы могут объединяться друг с другом, если один из них втягивается в войну с более дальней секцией. Когда они так объединяются, распри между ними самими прерываются перемирием. Следовательно, эти большие районы образуются из секций, которые иногда могут друг с другом враждовать, но объединяются против более отдаленного врага. В конечном счете, все нуэрские племена объединяются в противовес чужеземцам; в отсутствие же чужеземцев они распадаются на враждующие первичные секции, которые могут, когда между ними нет войн, распаться на еще меньшие секции, и так далее.

В этом процессе, который Эванс-Притчард называет *слиянием* секций в противовес более крупным группам и *расщеплением* на секции в отсутствие противостояния этим более крупным группам, нуэр признают определенные модификации в правилах войны. Мужчины одной деревни сражаются друг с другом дубинками, а не копьями. Мужчины разных деревень воюют друг с другом копьями. Внутри племени не бывает набегов с целью захвата скота и признается, что мужчина должен платить скотом в качестве возмещения за убийство соплеменника, хотя такое случается редко. Племена нуэр нападают друг на друга ради захвата скота, но не женщин и детей; последних убивать нельзя, нельзя и разрушать амбары. При набегах на чужеземцев женщины, дети и даже мужчины могут быть взяты в плен, женщины и дети могут быть убиты, амбары могут быть разрушены.

Вот и все, что я собирался сказать о крупномасштабной политической системе нуэр. Здесь война может продолжаться, а возмещение ущерба — не требоваться, поскольку группы живут далеко друг от друга. Может вестись междоусобная война. Мир не является необходимым для сохранения жизни. Но в более ограниченных ареалах в силу пересечения движений скота и т.п. людям приходится быть друзьями,

чтобы выжить. При этом мы слишком хорошо знаем из собственного опыта, что самой необходимости дружбы еще недостаточно для достижения дружбы. Мужчины ссорятся по поводу многих вещей — скота, земли, женщин, престижа, — в сущности, по любым пустякам. (Я видел, как два зулуса сцепились в драке с применением оружия из-за того, что один ударил другого, возбудившись от боевого танца.) Если мужчины не ссорятся, они расходятся во мнениях относительно того, что должно и не должно быть в договоре, и эти разногласия должны быть отрегулированы как-то иначе, нежели с помощью грубой силы, чтобы социальные отношения между ними могли продолжаться. Часто затруднения в споре возникают не по поводу того, какое правило в споре является уместным, а по поводу того, как применить правила в конкретных обстоятельствах. Это относится даже к большинству споров в нашей высоко развитой правовой системе. В сущности, обе стороны могут претендовать на свою правоту, и приходится достигать соглашения о том, кто прав и насколько он прав. Нуэр имеют утвердившийся правовой кодекс, устанавливающий, например, сколько скота должен платить мужчина, чтобы забрать невесту у ее отца, и что он должен уплатить мужчине, которому он наставил рога, родным человека, которого он убил, или в случае других преступлений. У них есть правила, контролирурующие раздел наследства и раздел скота, полученного от мужей их родственниц. Иначе говоря, у них есть правовой кодекс как ряд конвенциональных правил, определяющих, какие действия правильны и какие неправильны. Но у них нет правовых процедур или чиновников, в смысле отсутствия авторитетов, уполномоченных вызывать их в суд, выслушивать их дела и добиваться выполнения нарушителями установленных законом правил. А поскольку большинство людей склонны считать себя правыми, когда дело неясное, и очень многие готовы, если смогут, избежать выполнения своих обязательств, то мы вполне можем задать вопрос, как сохраняется дружба вопреки ссорам. Вот здесь-то и важны узы обычая и навязывание этих уз верой в ритуальное наказание. Некоторые узы обычая связывают некоторое множество людей в группу. Другие же узы их разделяют, связывая некоторых из них с другими людьми, которые могут быть врагами первой группы. Ведь нуэр, как и все народы, возделывают свою землю не случайными партиями товарищей, а организованными группами, которые разрушаются связями, параллельно размещающими их членов в других взаимоотношениях.

Важнейшими узами у нуэр являются узы агнатного родства — кровного родства по мужской линии. Выше я уже описал, как более крупные районы объединяются идеей этой связи братства или отцовства. В меньших группах мужчины, происходящие по мужской линии от ближнего предка, образуют тесно сплоченную корпоративную единицу. Они совместно владеют стадом и пасут его. Они наследуют друг у друга. И, прежде всего, если один из их членов будет убит, то они должны отомстить за него убийце или кому-то из возмещающей группы убийцы или получить от этой группы «кровный» скот в качестве компенсации за убитого. Так в теории. Между тем на практике у нуэр эта группа агнатных мстителей, видимо, не всегда живет вместе; это не локальное сообщество. На самом деле мстящая группа вполне может быть рассеянной. По множеству причин нуэр часто перемещаются. Они могут посориться дома со своими близкими и куда-нибудь уйти, возможно, к дяде по материнской линии. Могут и просто уходить к богатым дядьям по линии матери. Мать мужчины, овдовев, может уйти любовницей к какому-нибудь мужчине в отдаленную деревню; тогда ее сыновья вырастают там, хотя все принадлежат умершему мужу, даже если не

он их зачал. Эта рассеянность некоторых мстящих групп означает, что возникает конфликт между лояльностью близких агнатов (связью, которая в первую очередь требует солидарности) и узами, связывающими мужчину с членами его локального сообщества, которых он по обычаю, как и исходя из своих интересов, тоже должен защищать. Ведь хотя месть и должна быть осуществлена агнатной группой, на бой мобилизуется локальное сообщество этой группы. И если мстящая группа рассеяна, то это может означать, особенно в небольших районах, что запросы солидарности сообщества будут требовать от мужчины мобилизации на стороне врагов своих агнатов. В противоположной ситуации эмигрантский член группы, ответственной за убийство, может жить среди мстителей, и дело может обернуться так, что месть обрушится на него. Я предполагаю (поскольку Эванс-Притчард об этом не говорит), что опасность того, что он будет убит, оказывает некоторое давление на его родню, чтобы та попыталась как-то уладить дело. Кроме того, как бы он ни поступил — остался ли там, где живет, или бежал в свой дом, — он скорее всего будет требовать от родственников предложить компенсацию, ибо в том месте, где он живет, у него сосредоточено много интересов. И наоборот: если мужчина из группы, требующей возмездия, живет среди убийц, то он заинтересован в обеспечении того, чтобы его родственники приняли компенсацию, а не стали настаивать на том, что кровь должна пролиться за кровь. Рассеянность группы может вести к конфликту между локальной и агнатной лояльностями и разделять каждую группу, настраивая ее против самой себя.

Но целевые подразделения в мстящей группе создаются прежде всего правилами брака. Практически каждое общество в мире настаивает на том, чтобы внутри семьи, состоящей из родителей и детей, не было спариваний. Думаю, единственным исключением являются некоторые королевские семьи. Многие общества расширяют запреты на брак, распространяя их за пределы семьи, на более дальних родственников. Антропологи называют это правило «экзогамией» — заключением браков вовне. У нуэр это правило запрещает мужчине под угрозой наказания болезнью, несчастным случаем или смертью жениться на любой женщине из его клана или на любой женщине, с которой по любой линии до шести поколений в глубину можно проследить родство. Первое правило, запрещающее брак в клане, заставляет мужчин из каждой агнатной мстящей группы искать жен для себя и мужей для своих сестер в других агнатных группах. Правила, запрещающие брак с другими видами родственников, заставляют членов каждой группы распространять свои браки вишьрь — как предполагается, практически на каждую агнатную группу в локальном сообществе. Такое заключение браков требует, прежде всего, дружбы с этими другими группами. Некоторые африканские народы говорят о группах, отличных от той, к которой они принадлежат: «Они наши враги; мы с ними женимся». Но после заключения брака возникает своего рода дружба, хотя и отличная от основных кровных уз. Более того, когда мужчина берет жену в другой группе, у него имеется заинтересованность в дружеских отношениях с этой группой, которых его агнаты не имеют, хотя и считают себя с ними связанными. Жены делают их дружелюбными к другим группам. И это не просто чувство. Женщина остается привязанной к своим родным, и если ее муж с ними ссорится, то она может сделать для него жизнь довольно неприятной. Между тем ее предки тоже способны воздействовать на нее и ее детей и, следовательно, на благополучие ее мужа. Брат жены мужчины приходится его детям дядей по материнской линии, и обычай требует от него помогать им во многих кри-

тических ситуациях. Он может благословлять своего племянника, а его проклятие «считается одним из худших, если не наихудшим, которое нуэр может получить, ведь, в отличие от отца, дядя по матери может проклясть скот юноши, а также его зерно, рыбалку и охоту, если тот его не слушается, отказывает в просьбе или как-то иначе оскорбляет его. Проклятие может также не дать племяннику зачать мальчиков». Каждый мужчина, когда речь идет о благополучии его семьи и процветании его детей, стремится исходя из своих интересов и под нажимом обычая быть в хороших отношениях с родней своей жены. Как сын женщины из еще одной, третьей, группы он заинтересован также в добрых отношениях с родней своей матери. Этот интерес опять-таки поддерживается обычными правами на получение помощи и опасностью пострадать от мистического возмездия, если он эти обычаи не соблюдает. Тот факт, что мужчины в одной группе агнатов имеют матерей из других групп и берут жен из третьих групп, ударяет по единству каждой мстящей группы. Лояльность агнатов друг другу, которой строго требует обычай, входит в конфликт с обычными приверженностями другим группам и лицам. В каждой из воюющих групп есть лица, заинтересованные в улаживании ссор. И эти различия в лояльности, порождающие расколы в одном комплексе отношений, институционализируются в обычных способах поведения и часто находят опору в мистических верованиях. Таким образом, там, где обычай порождает расколы в каком-то комплексе связей, он через улаживание ссор создает сплоченность в более широком круге социальной жизни.

В основе этих обычных подразделений, подталкивающих стороны к улаживанию спора, лежит постоянное давление общего места проживания. Ведь общее место проживания предполагает необходимость сотрудничества в сохранении мира, а последнее так или иначе включает в себе признание требований закона и морали. Он предполагает также взаимную терпимость. Эти требования подкрепляются постоянными взаимными браками в пределах ограниченной территории, поскольку обычно мужчины не женятся слишком далеко. Следовательно, нуэр как индивиды сплетаются в обширную сеть родственных связей, опутывающую всю их страну; и в эту сеть постоянно, с каждым плодотворным браком, вплетаются новые ячейки. Эти сети связей, выстраивающиеся вокруг индивидов, объединяют членов разных агнатных групп. И у локальных групп всегда есть общие локальные интересы.

Эти общие и локальные интересы представляет категория третейских судей, которых могут призывать на помощь в урегулировании споров. Эти третейские судьи — ритуальные эксперты; их называют «людьми земли». У них нет насильственных средств принуждения. Они не могут велеть людям сделать что-то и ожидать от них повиновения. Но они не только ритуальные функционеры, но и политические. Если разгорается свара, «человек земли» может восстановить мир, пробежав между дерущимися и взрылив землю. Человекоубийца запятнан кровью и не может ни есть, ни пить до тех пор, пока «человек земли» не позволит крови умершего выйти из его тела. Если дом убийцы находится поблизости от дома убитого им человека, то он будет селиться в святилище с «человеком земли», чтобы избежать смерти от рук родных его жертвы. Затем «человек земли» будет вести переговоры между двумя группами и пытаться убедить родню умершего принять компенсацию. Они должны гордо от нее отказаться, но в итоге уступают, когда «человек земли» грозит им проклятием. Сам Эванс-Притчард никогда этого процесса не наблюдал, но собрал рассказы о жутких последствиях такого проклятия.

Он обнаружил, что «внутри деревни старшие обсуждают разногласия между людьми, и обычно легко достигается согласие и выплачивается или обещается компенсация, так как всех связывают родство и общие интересы. Споры между членами близлежащих деревень, между которыми есть много социальных контактов и связей, тоже могут быть разрешены соглашением, но достигается оно уже не так легко и с большей вероятностью обращения к силе». Между секциями, находящимися на противоположных краях племени, шансы на разрешение споров невелики. Поэтому, говорит Эванс-Притчард, «вне сильно ограниченного радиуса закон действует очень слабо и нигде не бывает очень эффективным». Вместе с тем он показывает, что закон есть, и представлен он, как мы видим, в фигуре «человека земли». Этот функционер репрезентирует также потребность в общинном мире в пределах некоторого ареала. Обычные практики здесь опять-таки разделяют мужчин, обостряя смуту после убийства; пока спор не разрешился, его стороны не могут вместе ни есть, ни пить, и обеим нельзя принимать трапезу от третьих сторон. Судя по всему, иногда мужья и жены могут не иметь возможности вместе есть. Фактически уже само сокрытие человеком того, что он кого-то убил, есть ужасное преступление, поскольку считается, что он тем самым подвергает риску мистической катастрофы целый район. Люди явно не могут пройти сколько-нибудь безопасно к своим садам или пастбищам; и нужно к этому как-то приспособиться. Именно здесь вступает в действие — через свою связь с землей — «человек земли». По-видимому, для нуэр, как и для многих других африканских обществ, земля имеет не только мирскую, но и мистическую ценность. Мирская ценность земли заключается в том, как она удовлетворяет частные интересы индивидов и групп внутри более широкого общества. Они обеспечивают себя средствами к существованию за счет конкретных садов, пастбищ и рыбных водоемов; они строят свои дома, разжигают свои очаги и едят свою пищу на собственных участках земли; они рожают и растят своих детей на земле. В этой земле покоятся их предки. Люди и группы спорят по поводу конкретных участков земли, служащих их разнообразным целям. Но люди живут, работают, танцуют, плодятся и умирают на земле в компании других людей. Они получают свои права на землю благодаря членству в группах и могут содержать себя только благодаря этому членству. Чтобы жить на земле, им требуется дружить с другими людьми в пределах определенного ареала. Неделимая земля как базис общества начинает, таким образом, символизировать не индивидуальное процветание, плодородие и удачу, а общее процветание, плодородие и удачу, на которых держится индивидуальная жизнь. Дождь выпадает не на какой-то отдельный участок, а на весь ареал; полчища саранчи, болезни растений, голод и эпидемии несут катастрофу всему сообществу, а не кому-то одному. С общим процветанием связываются мир и признание морального порядка в пределах некоторой территории. В Западной Африке люди поклоняются Земле, и в этом культе группы, в иных отношениях враждебные друг другу, ежегодно объединяются в праздничных торжествах. В Центральной и Южной Африке короли, символизирующие политическое единство племен, идентифицируются с землей: у баротсе король обозначается словом, которое означает «землю». В некоторых африканских племенах существует догма, что король, когда его физические силы иссякнут, должен быть убит, иначе одновременно иссякнут силы земли. У нуэр ритуальный эксперт, связываемый с землей в ее общем плодородии и, следовательно, символизи-

рующий общую потребность в мире и признании моральных прав в сообществе мужчин, выступает посредником между воюющими секциями.

В итоге, на мой взгляд, если конфликтов лояльностей достаточно много, то будет достигаться их разрешение и поддерживаться закон и социальный порядок. Этот конфликт лояльностей задается именно обычаем. Обычай, поддерживаемый ритуальными идеями, тесно связывает мужчин с их агнатными родственниками. Ритуальные идеи санкционируют обычные связи с родней по матери. Проследившая анализ Эванс-Притчарда, который переходит от индивидуального нуэра к более широкому нуэрскому обществу, мы видим, что в каждой точке каждый мужчина вовлекается в отношения с разными мужчинами, являющимися для него, в зависимости от контекста ситуации, союзниками или врагами. Мужчине нужна помощь в выпасе его скота; следовательно, он должен дружить с соседями, с которыми он вполне может ссориться по другим вопросам — или даже в вопросах выпаса скота. Выпас скота требует, чтобы некоторые разделенные группы в некоторые времена года находились в дружеских отношениях. Мужчина, ограниченный строжайшими табу, не может жениться на своих близких родственницах; это значит, что он должен быть достаточно дружелюбен к другим людям, чтобы те дали ему жену. Он женится на ней путем сложных церемоний и передает скот, собранный со всей его родни, всей ее родне. Эти сложные церемонии и выплаты скота устанавливают для него дружеские отношения. Через жену он вовлекается в альянсы со свойственниками, враждебные его глубочайшей односторонней привязанности к собственным братьям и членам своего клана. Его дети связаны тесными эмоциональными узами с родней своей матери. Обычай поддерживает эти узы обязательствами и мистическими угрозами. Кровные родственники мужчины не всегда живут рядом с ним; узы родства и локальности конфликтуют друг с другом. И все эти узы, повторю, сложным образом укоренены в обычае и подкреплены ритуальными верованиями.

Эти приверженности и приверженность мужчины своему сообществу и его чувству правоты создают конфликт, препятствующий распространению споров и столкновений. Существует конфликт между желанием мужчины безжалостно преследовать собственные материальные цели и его признанием правового кодекса и соблюдением этого кодекса; и этот конфликт находит проявление в готовности или неготовности его родственников поддерживать его в ссоре. Имеется конфликт между самоуверенностью каждого индивида и родственной группы и интересами, заставляющими их ладить с соседями. Этот конфликт разрешается через ритуальное проклятие «человека земли». Обычай закладывает правовой кодекс, устанавливающий природу того, как поступать правильно, и предписывает мужчинам признавать узы различных видов родства, локальности и нескольких других типов. При этом обычай эффективно связывает нуэр в сообщество, сохраняющее некий род порядка — то, что Эванс-Притчард называет «упорядоченной анархией», — поскольку налагаемые обычаем обязательства связывают мужчин в разных видах отношений. Конфликты между этими отношениями на больших временных промежутках и в широких масштабах общества становятся сплоченностью.

Я не хотел бы создать впечатление, что месть никогда не свершается и междоусобных войн никогда не ведется. Междоусобица вспыхивает, а месть осуществляется тогда, когда стороны живут достаточно далеко друг от друга и слишком слабо связаны различными узами. Даже когда они живут близко, горячность и страсть к

престижу могут приводить к мщению и постоянным столкновениям. Но даже в условиях близости многочисленные институты и связи оказывают на ссорящихся давление, побуждающее их к улаживанию ссор. Это опять же не означает, что разрешение споров достигается всегда. Важно помнить, что ссоры возникают из самих связей, соединяющих людей: связей с родней жены, с собственной родней, со своими соседями. Есть лишь давление к установлению мирных отношений или, скорее, к восстановлению мирных отношений после их разрушения. Это давление осуществляет общая заинтересованность в хотя бы каком-то мире внутри некоторой территории, необходимом для того, чтобы люди жили в хотя бы какой-то безопасности, производили пищу, входили через браки в семьи друг друга, поддерживали друг с другом общие дела. Таким образом, конфликты между лояльностями человека устанавливают порядок в более широком круге отношений и ведут к признанию и принятию обязательств, находящихся в рамках закона. Какой бы тип лояльности мы ни взяли, другие лояльности ведут к расколам в рядах любой группы и в любой совокупности отношений. Следовательно, вся эта система зависит в своей сплоченности от наличия конфликтов в меньших подсистемах. Каждая мстящая группа агнатных родственников разделяется различными материнскими, брачными и локальными привязанностями ее индивидуальных членов.

Ясно, что первичным источником разделений в группах родственников, характерных для примитивного общества, является правило, запрещающее мужчинам жениться на женщинах из своего клана и на других близких родственницах. Но многие общества по обычаю предпочитают брак с определенными наборами родственников, и, следовательно, в них мы видим иное выражение политического процесса. В одном из обществ, обществе бедуинов Киренаики, исламское право допускает брак внутри самой мстящей группы. Анализ складывающейся при этом ситуации и ее связи со средой будет хорошей проверкой вышеприведенного аргумента. В настоящее время д-р Эмрис Петерс занят этим исследованием. Мы знаем, что есть общества, где междоусобные стычки происходят в сравнительно небольших ареалах; но ни одно из них так и не подвергли адекватному антропологическому анализу в терминах множественных уз, установленных обычаем.

Позднейшие исследования подтвердили основные идеи, выдвинутые Эванс-Притчардом в отношении нуэрского общества. Скажу коротко лишь об одном таком исследовании. Сам Эванс-Притчард подчеркивал позитивные стороны уз, связывающих членов агнатных мстящих групп с другими. Я же утверждал, что они приводят к разделению внутри группы. На этом же сделала акцент д-р Элизабет Колсон в своем исследовании тонга в Северной Родезии. Не имея возможности передать красоту ее исследования, приведу резюме того случая, который она зафиксировала; это чистейший случай того, как работает угроза возмездия, найденный нами в Африке. Мужчина из клана Антилопы убил мужчину из клана Льва. Убийца был арестован британцами и помещен в тюрьму; тем не менее, Львы разорвали все отношения с жившими поблизости Антилопами. Мужчины-Антилопы в деревнях Львов и мужчины-Львы в деревнях Антилоп рассказывали мисс Колсон, что в прошлом они бы бежали домой; так и есть, Львы подвергли односельчан-Антилоп остракизму. Женщины, которые были замужем за мужчинами из другой группы, не могли жить вместе с мужьями и готовить им пищу, что расстроило мужей. В конце концов сын одной женщины-Антилопы от мужчины-Льва заболел и умер; прорицатель ска-

зал, что дух убитого мужчины погубил ребенка, поскольку не были уплачены кровные деньги. Женщина начала оказывать давление на родственников-мужчин, чтобы те уладили это дело. После этого Антилопы предложили через свойственников, связывающих их со Львами, возмещение ущерба; был установлен мир, и в виде компенсации за убийство был обещан кровный скот. Здесь рассеянность мстящей группы и браки ее женщин с мужчинами из других мстящих групп опять же создавали расколы в рядах каждой группы и осуществляли принуждение к улаживанию споров. Смерть ребенка, списанная обычаем на мстительного духа, создала ситуацию, принуждающую к встрече, а другие родственники двух сторон выступили в качестве посредников.

Общий принцип, который я до сих пор отстаивал, уже давно признан многими учеными, но есть и такие, кто проглядел его значимость. В своей величественной «Истории английского права» Поллок и Мейтленд писали, что в англосаксонские времена «личный ущерб прежде всего был причиной междоусобицы, или частной войны между родственниками правонарушителя и родственниками потерпевшего лица». В «Краткой кембриджской истории средних веков» говорится, что междоусобные распри «порождали состояние непрекращающейся частной войны в сообществе, а когда ущерб наносился одним членом группы другому члену этой же группы — разделяли самих родственников». Я в этом сомневаюсь. Англосаксонская мстящая группа, называемая *sib* и наделенная правом требовать кровных денег за умершего человека, состояла из всей его родни по мужской и женской линиям вплоть до семиюродных братьев. А группа, которая совместно жила и трудилась, по всей видимости, была какой-то формой патриархальной составной семьи; мы вновь обнаруживаем, что мстящая группа не совпадала с локальной группой. Если проследить родственников каждого мужчины вплоть до семиюродных, то они образуют широко рассеянное группирование, которое не может быть мобилизовано. Каждый мужчина вместе с только своими родными братьями и сестрами был центром своего *sib*'а; и каждый индивид был членом *sib*'ов многих других людей. Я даже рискну предположить, что в давно заселенном районе, где заключалось много смешанных браков (*intermarriages*), едва ли не каждый был членом *sib*'а любого другого. Поэтому, когда необходимо было свершить возмездие или добиться возмещения, некоторые люди оказывались членами *sib*'ов как истца, так и ответчика. И, разумеется, они оказывали давление в сторону справедливого разрешения спора. Так обстоит дело у калинга на Филиппинах, имеющих схожую систему родства. Междоусобные войны могли вестись между *sib*'ами в разрозненных районах или как битвы между мобилизованными локальными сообществами, стоящими за знатными семьями. Однако мы не должны принимать саги и рассказы о междоусобных распрах как фактические свидетельства, ведь они могут, подобно рассказам о проклятии «человека земли» у нуэр, служить предостережениями. Даже как исторические документы они, возможно, были лучшими предостережениями. У хатфилдов и маккоев в горах Кентукки и Виргинии был один удел. Итак, в пределах ограниченного ареала в угрозе кровавой распри заключены как война, так и мир.

Этот мир рождается из многочисленных видов связей и тех ценностей, которые ко всем ним присоединяет обычай. В каких-то аспектах эти связи разделяют мужчин; но в более широкой группе и на более длительных отрезках времени это разделение приводит к установлению социального порядка. В разных районах мужчины

могут ссориться. Чем меньше ареал, тем больше социальных уз. Но с уменьшением ареала множатся и поводы для ссор между мужчинами; и здесь именно их конфликтующие узы как разделяют их, так и вводят их в связь с другими людьми, следящими за достижением разрешения споров. Таким путем обычай объединяет там, где разделяет, а кооперация и конфликт уравнивают друг друга. В самом широком кругу сплоченность устанавливается в ритуальных терминах, подкрепленных мистическим воздаянием, и ценности здесь бесспорны и аксиоматичны. Поэтому часто за улаживанием ссор следуют ритуальное примирение и жертвоприношение, а для достижения улаживания этих ссор используются ритуальные методы.

Пер. с англ. В.Г. Николаева

МЕЛВИЛЛ ДЖ. ХЕРСКОВИЦ

АФРИКАНСКИЕ БОГИ И КАТОЛИЧЕСКИЕ СВЯТЫЕ В ВЕРОВАНИЯХ НЕГРОВ НОВОГО СВЕТА*

***Аннотация:** В статье Херсковица рассматривается феномен идентификации африканских богов с католическими святыми у негров Нового Света. Этот феномен трактуется как частный случай синкретизации культур, имеющий более широкое теоретическое значение для исследований аккультурации.*

***Abstract:** In this paper M.J. Herskovits discusses the phenomenon of identification of African gods with Catholic saints among the New World Negroes. This phenomenon is treated as a case of cultural syncretism which has a wider theoretical significance for acculturation studies.*

***Ключевые слова:** аккультурация, синкретизм, афроамериканские культы.*

***Keywords:** acculturation, syncretism, African-American cults.*

Тенденция туземных народов к достижению в ходе продолжительного контакта с католицизмом синкретизации исконных религиозных верований с доктринами и ритуалами католической церкви отмечалась у разных народов. Наиболее известны в этой связи индейцы Центральной Америки, Мексики и юго-запада США, наличие

Николаев Владимир Геннадьевич — кандидат социологических наук, доцент социологического факультета Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва). Наш постоянный автор и переводчик. E-mail: vn1968@yandex.ru.

* Перевод сделан по источнику: *Herskovits M.J. "African Gods and Catholic Saints in New World Negro Belief" // American Anthropologist. 1937. Vol. 39. No. 4. Part 1. P. 635-643.*

Статья была представлена в качестве доклада на II Афробразильском конгрессе в г. Баия, Бразилия, 15-20 ноября 1936 г.